

„Вопросы литературы, №1, 1957.

МЫСЛИ Л. ТОЛСТОГО О ЛИТЕРАТУРЕ

Книга «Толстой о литературе» принадлежит к числу изданий, чрезвычайно распространенных в последние годы. Книги этого типа состоят из высказываний классиков о литературе, о театре, о художественном творчестве с добавлением вступительных статей и объяснительных примечаний. Кроме ряда таких изданий, посвященных отдельным классикам, появилась целая историко-литературная хрестоматия в четырех томах: «Русские писатели о литературном труде» (от Кантемира до наших дней). Как видно из предисловия, под «литературным трудом» редакция понимала всю сумму вопросов художественного творчества и мастерства.

Чем объяснить появление этих изданий и их массовый успех? В предисловии к четырехтомной хрестоматии сказано, что она должна удовлетворить «нужду в пособиях, которые помогли бы росту наших писателей (в особенности молодых)». Разумеется, такого рода книги (как и многие другие) могут пригодиться писателям; отсюда, однако, не следует, что этим ограничивается их назначение. Тираж книги «Толстой о литературе» — 85 000; неужели это количество экземпляров рассчитано только на писателей, да еще «в особенности молодых»? Неправы и те, кто смотрит на эти издания как на пособия для начинающих или для слишком загруженных работой критиков и литературоведов — как на своего рода «скорую помощь» для них.

Кто бы и как бы ни пользовался упомянутыми книгами, кто бы ни составлял их и кто бы ни писал к ним вступительные статьи и примечания — у этих книг есть свое назначение гораздо более серьезное и принципиальное, чем то, о котором сказано выше: они порождены назревшей в широких кругах советской

Л. Н. Толстой о литературе. Статьи, письма, дневники. Составление и примечания Ф. А. Ивановой, В. С. Мишина, А. И. Опульского, Л. Д. Опульской, Н. С. Родионова. Гослитиздат, М. 1955, 764 стр.

интеллигенции потребностью в осмыслении искусства. За последние годы искусство, в разных его видах, вошло в самый быт и стало предметом массового восприятия и обсуждения. Естественно, что вместе с этим приобрели особую жизненную остроту вопросы о роли искусства, о его задачах и методах, об отличиях художественного творчества от научного и т. д. Наша критика до сих пор обходит эти насущные вопросы или считает их как бы решенными. Отсюда — повышенный интерес читателей (здесь и мы скажем — в особенности молодых) к тому, что говорили и говорят по этим вопросам сами писатели, художники, музыканты. Суждения самих мастеров имеют еще то преимущество, что они опираются не на отвлеченные схемы, а на живой творческий опыт. Внимание читателей направлено при этом, конечно, не на исторический анализ этих «высказываний», а на их сущность — на возможность их приложения к современным художественным нуждам, исканиям и запросам. Таким представляется нам подлинный, жизненный смысл изданий этого типа — и с такой точки зрения их следует приветствовать.

Самое главное в этого рода книгах — подбор авторских «высказываний», точность и полнота цитат. С этой стороны книга «Толстой о литературе» заслуживает всяческой похвалы. Работа сделана опытными руками, с полным вниманием и сознанием ответственности. В книгу вошло все существенное, что сказано в дневниках и письмах Толстого о литературе, об отдельных писателях и произведениях, о художественном творчестве, об искусстве в целом — без пропусков и купюр, сглаживающих остроту или парадоксальность выражений и тем самым фальсифицирующих авторскую мысль. Составителей можно даже упрекнуть в чрезмерном стремлении к полноте. Вряд ли следовало перепечатывать целиком такие общеизвестные трактаты Толстого, как «Что такое искусство?» или «О Шекспире и о драме»; достаточно было привести из них наиболее существенные отрывки или просто напомнить об этих работах Толстого в редакционном предисловии — с тем, чтобы читатель нашел их в собрании сочинений. Излишними кажутся некоторые письма, относящиеся к незначительным фактам, — вроде письма к некоему Л. М. Гребенникову о составленной им книге (сборнике пословиц): «...для того чтобы уверенно рекомендовать ее, — пишет Толстой, — надо ее видеть...». В примечании сказано: «Сборник, видимо, остался неизданным». Можно было обойтись и без некоторых других писем (например, А. Г. Макееву, А. А. Александрову, А. Н. Соколову).

Вместе с тем очень жаль, что составители не сочли нужным или возможным поместить избранные устные высказывания Толстого, записанные в таких достоверных источниках, как дневники В. Лазурского, А. Гольденвэйзера, Д. Маковицкого, Н. Гусева. Этот интереснейший материал можно было сосредоточить в особом разделе после дневников и писем — и, прибавим, за счет тех 250 страниц, которые заняты трактатами.

Материал расположен хронологически — и это в данном случае вполне естественно и рационально; странно только то, что внутри каждого года даны сначала письма, а потом дневники. Почему не наоборот? Было бы правильнее, если бы, скажем, читатель прочитал сперва дневниковую запись от 3 января 1856 года с восторженными словами о «Каменном госте» Пушкина, а потом — более спокойные слова о том же в письме к сестре от 5 июня. Порядок, принятый составителями, противоречит естественному ходу вещей.

В общем книга «Толстой о литературе» должна быть признана едва ли не лучшей среди подобных изданий в отношении отбора материалов и его подачи; в этом смысле она может вполне удовлетворить и массового читателя, и специалиста-литературоведа, и писателя. Другое дело — вступительная статья и примечания: они сделаны тоже очень старательно и с хорошим знанием дела, но без учета тех живых интересов и запросов современности, о которых мы говорили выше и которые должны быть поистине душой такой книги. Вступительная статья (автор Л. Опульская) содержит обзор суждений и высказываний Толстого об искусстве, дает некоторое представление об эволюции его взглядов; однако по существу поставленных Толстым важнейших вопросов не сказано ни слова: «Суждения Толстого об искусстве,— пишет автор,— интересны и значительны постольку, поскольку обобщают опыт великого писателя-реалиста, идейное и художественное развитие которого, во всей его противоречивости, явилось отражением целой эпохи — эпохи подготовки первой русской революции». Эта формулировка, конечно, избавляет автора статьи от многих затруднений, но верна ли самая эта мысль? Дальше уже спокойно и уверенно говорится, что этот великий писатель, «в силу ограниченности своего мировоззрения, не мог прийти к мысли о существовании двух культур в буржуазном обществе...» и поэтому «не мог осознать исторического значения пролетарской литературы, возглавлявшейся М. Горьким». В статье немало такого рода антиисторических штампов, которые вряд ли являются достижением литературоведческой науки. Хуже всего то, что в этом виноват не столько автор, сколько сама наука. Не пора ли подумать об ее усовершенствовании?

Печать профессионально-академической сухости лежит и на примечаниях, несмотря на всю их добросовестность и аккуратность. Сделанные по традиционному справочно-библиографическому образцу, они часто разъясняют то, что и так ясно, или сообщают то, что мало кому (из читателей такой книги) нужно, оставляя существенное и важное без пояснений. Если Толстой пишет, что он читал «Рыбаков» Григоровича, то в примечании сообщается, что этот роман печатался в «Современнике» 1853 года и в том же году вышел отдельным изданием — вместо того, чтобы пояснить слова Толстого о «недостатке» этого романа (изображение пороков простого народа). Прочитав роман Ж. Санд «Орас», Толстой записал в дневнике: «Правду сказал брат, что эта личность похожа на меня» и т. д.; комментатор ограничивается сухой библиографической справкой: «роман Ж. Санд «Орас» (1842)».

Вот Толстой говорит, что повесть П. А. Кулиша похожа на «Детство», но — «неосновательная»; в примечании указано, что повесть Кулиша называется «История Ульяны Терентьевны», но в каком смысле Толстой назвал ее «неосновательной» — не объяснено, как не объяснено и то, почему он называет свой «Роман русского помещика» — «догматическим».

В дневнике 1865 года есть замечательная, но трудная запись, начинающаяся словами: «Я зачитался историей Наполеона и Александра» — поворотный пункт в работе над «Войной и миром». В примечаниях об этой записи нет ни звука. В письме к Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 года Толстой сообщает, что начал переделывать «Войну и мир» для нового издания: «Дайте мне совет, если вам будет время проглядеть три последние тома» и т. д. Естественно было бы осведомить читателя о результатах этой переработки. В примечаниях — ни слова.

Вот Толстой пишет В. В. Стасову, что у него гостил Василий Петрович Щеголенок (Щеголенок) — «олонецкий мужик, певец былин»; известно, что записанные с его слов народные легенды послужили основой для некоторых рассказов Толстого («Чем люди живы?», «Три старца», «Корней Васильев»). Как ни странно — в примечаниях нет об этом ни слова.

Вот Толстой пишет Фету, что в критических статьях Виктора Гюго давно и очень хорошо высказано все то, что и теперь «пересуживается». Было бы естественно, чтобы комментатор указал, что это за статьи и о чем в них говорится. Увы! Комментатор молчит.

Таких примеров можно было бы набрать много, но не в количестве дело. Молчание комментаторов (их в книге пятеро) порождено в данном случае не незнанием или неумением, а каким-то принципиальным равнодушием к читательским запросам. На это «ученое» равнодушие читатель часто отвечает тоже равнодушием: он не читает ни этих вступительных статей, ни этих примечаний. А жаль: будь наши литературоведы и комментаторы хоть немножко больше литераторами — результат был бы иной.

Впрочем, справедливость требует сказать, что в книге «Толстой о литературе» есть случаи, когда комментаторы отступают от справочно-библиографической позиции и обращаются к содержанию высказываний Толстого. К сожалению, в большинстве случаев эти их попытки кончаются неудачей: объяснения оказываются неверными, искажающими смысл сказанных Толстым слов. Так, например, в письме к В. Г. Черткову (1887) Толстой говорит о рассказе В. Г. Короленко «Море» (впоследствии переделанном и названном «Мгновение»): «Это прекрасно. Сострадание к заключенным, ужас перед жестокостью заключающих, и взято из середины, как всякое поэтическое истинное произведение». Комментатор поясняет: «взято из середины — то есть из гущи реальной жизни» (стр. 662) и прибавляет: «Ср. письмо В. Г. Черткову от 5 февраля 1889 г.» Сравниваем — и что же? Толстой пишет: «Барыковой рассказ недурен, но он сочинен не из середины, а с конца или с начала — он сочинен, одним словом». При чем же здесь «гуща реальной жизни»? Речь идет, конечно, о том, что начинать литературное произведение надо прямо с середины — «без принятой у нас и ставшей невозможной манеры описаний, логично расположенных: сначала описания действующих лиц, даже их биографии, потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие». Это слова самого Толстого, сказанные в педагогической статье «Кому у кого учиться писать...» (1862). Так он и поступал — и в «Казаках», и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной», и в более поздних вещах («Крейцера соната», «Воскресение»), о чем, кстати сказать, говорится в работе Л. Д. Опульской «Позднее творчество Толстого» (Л. Н. Толстой, Сборник статей. Пособие для учителя, М. 1955, стр. 345). Как же не воспрепятствовала она появлению этой смехотворной «гущи», будучи одним из «составителей» книги? Так бывает именно при пяти комментаторах!

Другой случай. Толстой пишет Н. Н. Страхову о «Крейцеровой сонате» (17 ноября 1889 г.): «В художественном отношении я знаю, что это писание ниже всякой критики: оно произошло двумя приемами, и оба приема несогласные между собой, и от этого то безобразно, которое вы слышали». Стоит заглянуть в письмо Страхова (от 6 ноября), на которое Толстой отвечает, чтобы стало ясно, о каких «двух приемах» идет речь. Страхов пишет: «Вы взяли форму рассказа

от лица самого героя, форму, которая Вас очень связывала, а у слушателей являлись вопросы: кто собеседник?» («Переписка», Спб. 1914, стр. 395). В повести столкнулись два приема повествования: от лица автора (вначале) и от лица героя. Получилась психологическая и идейная неясность, на которую указал тот же Страхов: «По некоторым местам можно подумать, что эгоизм в нем (то есть в Позднышеве) сломлен, и он уже видит свои действия в истинном их значении; по другим кажется, что он готов опять и без конца убивать свою жену, и нет в нем и тени раскаяния». Вот в каком смысле эти два приема оказались «несогласными между собой». Достаточно было процитировать в примечании слова Стрхова (тем более, что Толстой соглашается с ними), чтобы все было понятно. Вместо этого комментатор предлагает свое собственное (и совершенно неверное) объяснение: «По своей художественной форме «Крейцера соната» представляет своеобразное сочетание социально-психологической новеллы с публицистическим трактатом» (стр. 669). Толстой писал свои произведения не по современным учебникам «теории литературы» — и для него (как и для всей русской литературы) не было ровно ничего «своеобразного» или «безобразного» в таком сочетании.

В заключение укажем на одну досадную опечатку — особенно досадную потому, что она ведет свое происхождение еще от юбилейного издания сочинений Толстого и может утвердиться навсегда.

Посылая Некрасову рукопись «Детства», Толстой писал: «Ежели по величине своей она не может быть напечатана в одном номере, то прошу разделить ее на три части: от начала до главы 17-ой, от главы 17-ой до 26-ой и от 26-ой до конца». В юбилейном издании (т. 59, 1935, стр. 193) слова «и от 26-ой» выпали — и получалась бессмыслица: «от главы 17-ой до 26-ой до конца». В книге «Толстой о литературе» эта фраза так и напечатана (стр. 11).

Мы отнеслись к этой книге с чрезвычайным вниманием и строгостью потому, что она очень симптоматична. С одной стороны, в ней тщательно собраны замечательные по своей глубине и силе суждения Льва Толстого, отвечающие на многие вопросы и недоумения современности; с другой — в ней сказались недостатки и нашей литературоведческой науки (особенно в теоретической области), и нашей редакционно-издательской практики характерным для нее стремлением превращать всякую мысль в безличную «формулировку». Это приводит к тому, что наши литературоведы и комментаторы часто дают не максимум того, что могут, а минимум. Так случилось и в книге «Толстой о литературе».